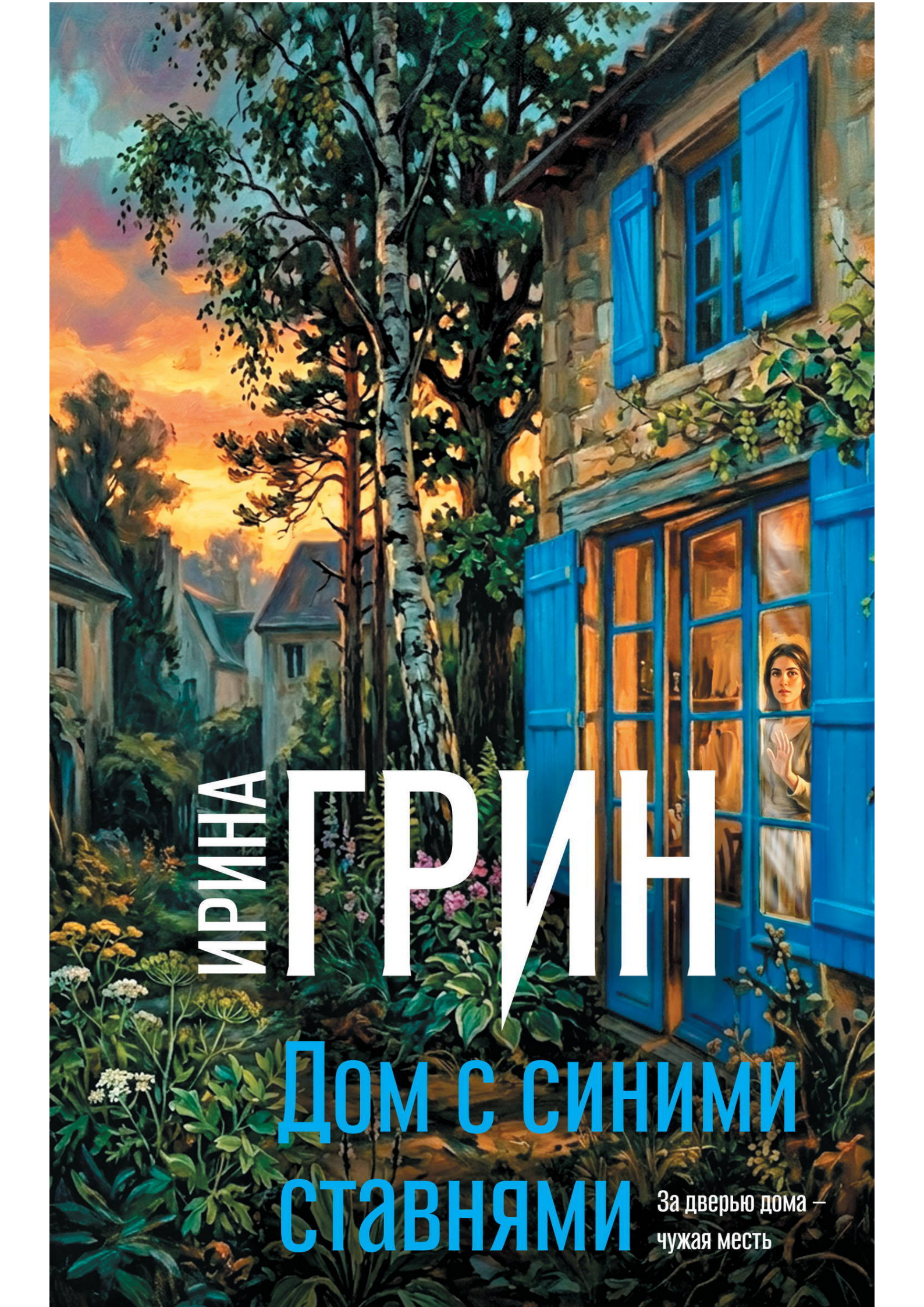

ИРИНА ГРИН

Дом с синими
ставнями

За дверью дома —
чужая месть

Переплетение чувств. Новые детективы Ирины Грин

Ирина Грин

Дом с синими ставнями

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Грин И.

Дом с синими ставнями / И. Грин — «Эксмо»,
2026 — (Переплетение чувств. Новые детективы Ирины Грин)

ISBN 978-5-04-250961-2

Пытаясь совместить материнство с возвращением к профессии учителя, Ася соглашается поработать репетитором и начинает заниматься со школьником Артёмом. Мальчик страдает редкой фобией — боязнью прикосновений. Вначале все складывается удачно, Асе удается найти контакт с непростым учеником, но после очередного занятия подросток бесследно исчезает, а его бабушка Галина Степановна умирает при загадочных обстоятельствах. Отец мальчика, бизнесмен Илья Громов, обвиняет Асю в похищении, и она оказывается под следствием. Ее муж Иван Рыбак, сотрудник детективного агентства «Кайрос», начинает собственное расследование, пытаясь спасти жену и найти пропавшего ребенка... Остросюжетные романы Ирины Грин — современные психологические детективы, написанные на стыке жанровой и современной прозы. Они будут интересны образованным женщинам, ищущим интеллектуальных развлечений. Ирина Грин исследует все грани и оттенки человеческих чувств, создавая из их столкновения и переплетения захватывающие детективные истории.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250961-2

© Грин И., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Сентябрь	7
Глава 1. Июнь	8
Глава 2. Март	11
Глава 3. Июль	13
Глава 4	15
Глава 5	16
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ирина Грин

Дом с синими ставнями

© Грин И., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Сентябрь

Ася, пытаясь подавить накатывающую панику, дрожащими пальцами набрала номер Ильи. Тот ответил почти мгновенно – голос, обычно собранный и деловой, сейчас звучал как натянутая до предела струна. Выслушав сбивчивое объяснение, он резко бросил:

– Буду через десять минут. – И разорвал соединение.

Он появился еще раньше. Дверь с силой распахнулась, ручка с глухим стуком врезалась в стену, оставив вмятину в штукатурке. На пороге застыл Илья Громов – всегда безупречно контролирующий себя, а теперь с лицом, искаженным гримасой ярости и страха.

– Где мой сын?

Низкий голос пророкотал подобно подземному толчку. Это был не вопрос – требование. Его взгляд, тяжелый и обвиняющий, буквально прожигал Асю насквозь.

– Я же предупреждал! – Он шагнул вперед, и Ася инстинктивно отступила. – С первой же минуты мне не нравилась эта ваша затея! Вы мне не нравились – слишком мягкая, слишком нервная. Но он к вам потянулся! Я уступил! И вот чем это обернулось!

– Илья Викторович, он пошел вниз, к бабушке, я сама видела...

– Видела? – Громов резко шагнул вперед, сокращая расстояние. – Видела, как он сел в машину? Или просто выпроводила его за дверь и выбросила из головы?

Голос его сорвался на крик:

– Я доверил вам его! Он был под вашей ответственностью! В ваших стенах! Я пошел против своих принципов ради его каприза – и что?

Каждое слово било в самую точку, подпитывая ее собственное чувство вины. Ася стояла, не в силах вымолвить ни слова в свое оправдание. Она чувствовала, как пол уходит из-под ног.

Не дав ей опомниться, Илья достал телефон.

– Вызываю полицию, – отрезал он, глядя на нее с ледяной яростью. – И до их приезда вы никуда не уйдете. Понятно? Вы и ваша няня.

В его тоне не было места вопросам. Это был приговор. Он говорил с ней не как с педагогом, а как с виновницей крушения всего, что он пытался защитить. Его сын доверился не тому человеку – и поплатился за это.

В воздухе повисло тяжелое, гнетущее молчание. Ася чувствовала, как стены ее собственного дома, еще недавно бывшие крепостью, сомкнулись вокруг, готовые раздавить.

Глава 1. Июнь

Ася стояла у окна, прижимая к груди четырехмесячную Алису. За стеклом вспышки молний разрезали свинцовое небо. Гроза еще не обрушилась на город, но ее тяжелое дыхание уже раскатывалось громом по спящим улицам. Малышка сладко посапывала, уткнувшись носом в материнское плечо и наполняя тишину комнаты теплым, живым присутствием.

Ася смотрела в пустоту, не видя ничего. Внутри поднималась знакомая волна страха – того самого, что родился три месяца назад и с тех пор точил ее изнутри. Сначала все было иначе. Да, Алиса часто плакала, просыпалась по ночам, но разве это могло сравниться с тем счастьем, что переполняло Асю, когда она смотрела на дочь? Особенно во время купания – Алиса с воинственными криками молотила ручками по воде, и Ася смеялась, забывая обо всем на свете.

Счастье закончилось в тот день, когда она пришла с месячной дочерью в поликлинику на плановую диспансеризацию.

Холодный кабинет. Яркие кляксы детских рисунков на стенах. Весы, на которых лежала Алиса, крича во всю мощь своих крошечных легких. И врач-педиатр – женщина в идеально гладком белоснежном халате, без единой морщинки на лице и без искры живого интереса в глазах.

Ася стояла рядом, чувствуя, как горит лицо и руки становятся вдруг чужими – неловкими, бесполезными. Врач печатала на компьютере двумя пальцами, не глядя ни на мать, ни на ребенка.

– Не набрала положенный вес, – сказала она, не отрывая взгляда от экрана. – Надо следить за питанием. И за режимом. Вам же вроде не шестнадцать лет, когда в голове ветер. Взрослая женщина, а режим наладить не можете. Потом придете жаловаться, что ребенок не ходит. А кто виноват? Врач виноват?

Зажужжал принтер, выплевывая бумагу. Врач аккуратно разрежала листы на прямоугольники.

– Держите направления. Пройдете врачей, сделаете УЗИ, сдадите анализы, и жду вас в два месяца. Пригласите следующего.

Всю дорогу домой Ася прокручивала в голове эти слова. «Не набрала положенный вес». Не «немного меньше нормы», «все в порядке, просто индивидуальные особенности» – нет. «Не набрала», «ребенок не ходит».

Как будто она провалила экзамен. Как будто она не мать, а подделка. Как будто всего, что она делает, – недостаточно. Как будто ее любовь, бессонные ночи, слезы над кроваткой ничего не значат. Только цифры. Только норма. Только то, что можно измерить.

«Я кормлю ее грудью. Я просыпаюсь каждые два часа. Я не ем ничего, что могло бы ей навредить. Я не живу даже – только она. Я прислушиваюсь к ее дыханию, чувствую каждый вздох, каждый писк, каждую боль как свою. И в результате – “не набрала”»?

Значит, я – не та мать, которая должна быть? Плохая мать? Нет! Или... да? Вдруг мне только кажется, что я чувствую, когда ей плохо? Вдруг из-за меня она действительно не сможет ходить?»

Совершенно некстати, именно сегодня на празднование первого месяца Алисы должны были прийти их коллеги из детективно-консалтингового агентства «Кайрос», где до рождения дочери Ася работала частным детективом.

Хотя в названии агентства детективная деятельность стояла на первом месте, основной доход приносил именно финансовый консалтинг, которым занимались Кристина Светлова, генеральный директор, ее заместитель Тимур Молчанов и программист Федор Лебедев, способный найти в интернете любую информацию. Или почти любую. Детективная работа сво-

дидась в основном к рейдам «тайного покупателя»: Иван с Асей по заранее согласованному графику посещали магазины, рестораны, салоны красоты, фотосалоны, а потом составляли отчеты, по результатам которых кого-то хвалили, кого-то лишали премии, а кто-то и вовсе оказывался на улице, из-за чего Ася, добрая душа, очень переживала и порой даже плакала по ночам, убедившись, что Иван крепко спит.

Примирили ее с нелюбимой работой только коллеги. Они давно стали для нее семьей. И потому, несмотря на тяжелый день, Ася ждала эту встречу. Готовилась. Сменила растянутую футболку и джинсы на платье, заплела косу, даже попыталась замаскировать круги под глазами консилером – подарком Кристины, который так и пылился в коробке. Результат не впечатлил: оказывается, после родов, совершенно незаметно для себя, она сильно похудела, и платье болталось как на вешалке, а круги под глазами от попыток исправить их, казалось, стали ярче.

Дверной звонок раздался как раз в тот момент, когда Ася критически разглядывала свое отражение в зеркале и раздумывала, не нырнуть ли в привычную одежду и не смыть ли косметические ухищрения. Алиса заплакала, как будто требуя вернуться к тишине, покою, материнскому теплу.

Поручив гостей Ивану, Ася унесла дочь в другую комнату, чтобы успокоить. Из гостиной доносились приглушенные голоса, шуршание подарочной упаковки, звяканье посуды, запахи – еды, которую гости принесли с собой, и свежих цветов.

Когда Ася вернулась с малышкой на руках, стол уже был накрыт. Компания с любопытством наблюдала за новым членом коллектива.

– Хорошенькая какая! – сказала Кристина, озвучив общее мнение. – Ася, на тебя похожа!

– Похожа, – подтвердил Тимур. – Только глаза как у Ивана.

– Ага, – усмехнулся Федор. – Глаз – как у орла.

Тут он довольно заржал, а Иван бросил на него суровый взгляд. Федор Лебедев был влюблен в Асю. Не в идею. Не в мечту. А в нее – уставшую, с растрепанными волосами, с тревогой в глазах. В ту, кого никто больше не видит. Кроме него.

Влюблен не по-пушкински – безмолвно, безнадежно, – так как был для этого достаточно самолюбив, и даже рождение ребенка не могло заставить его отказаться от мечты, что когда-нибудь Ася оценит его по достоинству. А слова, в которые он мог облечь свои чувства, трансформировались в колкости в адрес Рыбака, его удачливого соперника. Федор кололся как еж, потому что чувствовал: если он не будет смеяться, то заплачет. А плакать Федор не умел. Он умел только кодить, что в переводе на русский язык означает «писать программы», которые позволяли найти во Всемирной паутине все, что угодно. Даже то, что найти в принципе невозможно.

Ася улыбалась, чувствуя, как горло сжимается. Слова застревали. От фальшивой улыбки разболелась голова. Друзья чувствовали ее состояние и стали прощаться.

– А чай? – всполошилась Ася, бросилась на кухню и щелкнула кнопкой электрического чайника.

– Что случилось? – В дверях стояла Кристина. – На тебе лица нет. Устала?

– Нет, все нормально. – Ася покачала головой. – Честно. Я очень рада, что вы пришли.

– Ты это кому-нибудь другому расскажи. Я тебя насквозь вижу.

– Мы сегодня к врачу ходили на осмотр, – произнесла Ася тихо, почти шепотом. – Педиатр сказал, что Алиса не набрала вес. Что она не сможет ходить.

– Прямо так и не сможет? – Кристина пожала плечами. – У всех дети разные. У Настиной воспитательницы в детском саду сын до полутора лет не ходил. Сейчас – мастер спорта по плаванию.

– Но она сказала, что это моя вина. Что я не наладила режим. Что я... плохая мать.

– Прямо так и сказала? Насчет матери?

– Ну... – Ася замаялась.

– Что за чушь! Ты кормишь грудью?

– Да.

– Она ест?

– Да.

– Спит?

– Да.

– Плачет?

– Плачет.

– Значит, все в порядке. Врач – человек, а не Бог. Дети все разные. Нет смысла пытаться всех подогнать под одну гребенку. В конце концов, сходи к другому врачу. А еще – найди няню, хотя бы на пару-тройку часов в неделю. Тебе просто необходимо отдохнуть немного.

– Нет. – Ася мотнула головой. – Я ее даже Ване не могу доверять. А уж чужому человеку – тем более.

– Ну, как знаешь. А насчет другого врача – подумай. Хорошо?

Иван вышел провожать гостей, Алиса, измотанная долгим днем, наполненным впечатлениями, уснула, и в комнате воцарилась тишина. Ася вновь и вновь прокручивала в голове беседу с Кристиной. Что-то не давало ей покоя, царапало изнутри. Вот только что? И вдруг ее сердце сжалось от щемящего, обидного прозрения. Мысль, которую она ловила краем сознания, наконец оформилась в ясную и горькую фразу: подруга предлагала врача не для Алисы – помощь требовалась ей самой. Нет, Кристина не стала бы ходить вокруг да около, она сказала бы это открытым текстом. Или не сказала?

Глава 2. Март

На следующее утро Ася вышла с Алисой на прогулку. Мартовское солнце, яркое, но еще холодное, слепило глаза. Воздух был резким и прозрачным, пах талым снегом и мокрой землей. Под ногами хрустел зернистый снег, превращающийся в кашу. Поставив коляску так, чтобы солнце не светило дочке в глаза, Ася присела на скамейку детской площадки и устало прикрыла глаза.

– Ася! Вот это да! – раздался у нее за спиной женский голос. Как же Асе не хотелось открывать глаза! Но многоголосый детский гомон пробудил ее любопытство.

– Ольга? – удивилась она.

Ольга была женой журналиста Руслана, которого когда-то обвиняли в покушении на бизнесмена Прохора Тарасова, и лишь благодаря «Кайросу» многодетный отец – так Ларин себя позиционировал – был оправдан и отпущен на свободу¹. Это женщина, чтобы стать матерью-героиней, должна родить десять детей. Для мужчины, так считал Ларин, вполне достаточно четырех, если, конечно, он сам их растит. Руслан называл свою многодетность «несчастливым случаем на производстве». Когда через полгода после рождения дочки Ольга поняла, что снова беременна, супруги решили ребенка оставить: судя по подсчетам, ожидался мальчик, и это было здорово – вынянчить сразу двоих детей, вырастить, а потом жить в свое удовольствие. Когда выяснилось, что мальчиков ожидается три, предпринимать что-либо было уже поздно. И в положенный срок счастливому отцу вручили три орущих свертка, маленьких Лариных.

Сейчас Ольга в цветастом пуховике стояла рядом со скамейкой, на которой сидела Ася, а заметно подросшие, в одинаковых комбинезонах и разноцветных шарфах Ларины, Юрик, Ярик и Гарик, с гиканьем шлепали по лужам, поднимая фонтанчики ледяной воды. При этом создавалось впечатление, что их вовсе не трое, а добрый десяток.

– Какими судьбами в наших краях? – спросила Ася. – Вы же где-то на Маяковского обитаете!

– Обитаем, – согласилась Ольга, и веселые чертики запрыгали в ее глазах. – Но соседи уже устали от нашего вывода. Решили дать им немного отдохнуть и отправились в поход.

Появление Ольги было таким бурным и естественным, что не оставляло места для сомнений в ее словах.

Какое-то время обе помолчали, наблюдая: Ася – за Алисой, спящей в коляске, Ольга – за своими сорванцами, которые дружно пытались залезть на обледеневшую горку.

– Кристина вчера звонила, – вдруг сказала Ольга, глядя в сторону качающихся на ветру голых ветвей. – Говорит, ты как этот мартовский снег – вроде еще тут, но уже вся в проталинах. Истаяла совсем.

Ася почувствовала, как по телу разлилось то ли тепло, то ли жжение. Забота подруги была подобна сегодняшнему солнцу: согревала и обжигала одновременно.

– Уже совещание экстренное собрали? – спросила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Один из близнецов шлепнулся в лужу, и оба брата с хохотом принялись его поднимать. Ольга повернулась к Асе. Ее лицо было серьезным, от чертиков не осталось и следа.

– Нет. Одна подруга позвонила другой, потому что у самой сердце болит от беспомощности. А я... – она взмахнула рукой в сторону своих орлов, которые теперь уже втроем пытались раскачать ледяные качели, – я, как главный по весеннему паводку и детским потопам, вызвалась поговорить. Не как психолог, а как мать, которая тоже как-то по весне плакала от усталости в сугробе у подъезда.

¹ Читайте об этом в романе Ирины Грин «Эффект прозрачных стен».

Она указала подбородком на своих мальчишек, чьи крики звенели в хрупком мартовском воздухе.

– Вот мой личный отряд по борьбе с депрессией. Шумно, мокро, зато честно. Хаос – он, знаешь ли, как половодье. Сметает все лишнее, всю шелуху. Оставляет только самое важное.

Ася посмотрела на спящую Алису, потом на румяных орущих мальчишек, от которых шел пар, и ее защита окончательно растаяла, как снег под мартовским солнцем. Она молча кивнула, глядя на проталины.

– И что ты посоветовала Кристине?

– Да стандартный набор! – рассмеялась Ольга. – Найти няню на пару часов в неделю и выспаться наконец. Повалиться на диване, книжки почитать, фильм посмотреть. Потом заняться чем-нибудь не очень сложным. Репетиторством, например. Ты же учительница, тебе и карты в руки. Не для заработка, а исключительно для релакса.

– Считаешь, заниматься с учениками – это отдых? – усмехнулась Ася.

– А ты попробуй! Читала о феномене Сеченова? Он сравнивал работу своей правой руки после простого отдыха и после отдыха, когда правая рука отдыхала, а левая работала. Оказалось, что второй вариант предпочтительней. Правая рука после такого отдыха работала гораздо эффективнее. Не нравится репетиторство – начни наконец писать книгу о буднях вашего агентства. Сюжетов – выше крыши! Ну или... – тут Ольга хитро подмигнула, – роди второго. Кардинально, так сказать, но эффективно.

Последнее предложение повисло в воздухе, повергнув Асю в легкий ужас. Один ребенок выматывал ее под ноль, а тут – трое! Она смотрела на маленькие ураганы в комбинезонах, похожих на скафандры, и чувствовала не трепет умиления, а панику.

Но потом случилось странное. Она увидела, как один пацанчик, споткнувшись, упал и разрыдался. Оба брата тут же бросились к нему, стали неуклюже поднимать, обнимать, хлопать по плечу. Это был хаос, но не разрушающий, а живой. Полный, густой, как малиновый кисель, который когда-то варила ее мама. И Ася поймала себя на чувстве, которого совсем не ожидала, – по-доброму светлой зависти. Не к количеству детей, нет. А к этой уверенной погруженности в жизнь, к кутерьме, которая не оставляла места для черных мыслей.

– Книгу... – задумчиво проговорила она, возвращаясь к словам Ольги. – Я когда-то начинала. Еще до Алисы. Набрала пару глав и забросила.

– Вот и прекрасный повод вернуться! – обрадовалась Ольга. – Сама посуди, это же идеальный способ переработать весь свой опыт. Рассказать историю иногда лучшая терапия. Только обязательно найди няню. Хотя бы на пару часов в неделю. В интернете полно предложений. Посмотри, почитай отзывы, пообщайся. Самой некогда – Ивана попроси.

Глядя, как дружно мальчишки кубарем катятся с горки, Ася подумала, что, возможно, Ольга права. Необязательно рожать троих. Можно начать с малого. Например, с первой главы.

Глава 3. Июль

Комнату заливало мягкое послеобеденное солнце. В неподвижном воздухе танцевали пылинки. Ася, покачивая ногой коляску с засыпающей Алисой, уткнулась в экран ноутбука. Слова Ольги насчет книги до такой степени вдохновили ее, что она в тот же день отыскала в ноутбуке файлы заброшенного на второй главе детектива. С тех пор количество глав в романе росло – медленно, но верно. Однако все оказалось не так уж просто. Слишком много технических вопросов возникало в процессе обдумывания сюжета. Конечно, можно было проконсультироваться у подполковника Щедрого, доброго друга «Кайроса». Тот бы ни за что не отказал. Но чересчур деликатная Ася боялась, что своим звонком оторвет подполковника от важных дел. Лучше она поищет ответы в интернете, а потом, когда роман будет дописан, проконсультируется с Щедрым по всем скользким местам. Благодаря интернету Ася уже чувствовала себя специалистом по незаметному отключению камеры наружного видеонаблюдения, была в курсе, какие препараты могут вызвать амнезию и даже как скрыть след от укола на руке.

Странно, но эти новые знания, погружение в мрачный, вымышленный мир вытесняли из ее головы тревожные мысли об Алисе. Они, конечно, остались, но в данный момент на авансцену выступал вполне контролируемый хаос логической головоломки, где она начальник и создатель. Только здесь она может придумать и решить любую проблему, в отличие от реальной жизни, где некоторые раны не заживают. И никакая няня не нужна. Прав был Сеченов: отдых за написанием книги дает ей больше сил, чем лежание на диване, уткнувшись в экран телевизора.

В этот момент на столе загорелся экран мобильного телефона, поставленного на беззвучный режим. Номер был незнаком. Ася на мгновение замерла, ощутив тревожный укол.

– Анастасия, здравствуйте! Это Мария Ивановна, – раздался в трубке бодрый, хорошо поставленный голос, и Ася мгновенно успокоилась. Мария Ивановна была директором школы, где она когда-то давно, кажется в прошлой жизни, работала учителем русского языка и литературы.

– Мария Ивановна, здравствуйте!

– Анастасия, не буду вас отвлекать надолго. У меня к вам деловое предложение! – без предисловий перешла к делу директор. – Наша Лариса Петровна – вы ее должны помнить, она вела русский в средних классах – уходит в декрет. Срочно нужна замена к середине августа. Я сразу о вас вспомнила!

Ася машинально посмотрела на дверь спальни, за которой спала ее маленькая дочь. Шумные школьные коридоры, планы уроков, кипы тетрадей – как далека она от всего этого.

– Мария Ивановна, я... я очень польщена, что вы вспомнили обо мне, но...

– Ася, я не просто так звоню! – перебила ее директор, и в ее голосе сквозила неподдельная теплота. – Поверьте, ваши выпускники до сих пор вас вспоминают. И родители десятиклассников спрашивали на последнем родительском собрании: «Где та молодая учительница, Анастасия Павловна? Собирается возвращаться?» А Макар Волков, помните его?

Ася кивнула, словно директор могла ее видеть.

– Макар, – продолжала Мария Ивановна, – сказал на выпускном, что вы были самой лучезарной учительницей в школе.

– Лучезарной? – растерянно повторила Ася.

Макара она, конечно, помнила. Как и фразу из его сочинения: «Мцыри бежал из монастыря, потому что ему было запахло». Именно из-за таких, как Макар, она ушла из школы. Не из-за невысоких зарплат, не из-за бесконечных тетрадей, не из-за еще более бесконечных отчетов. Нет. Она ушла, потому что ее уверенность в том, что русский язык и литература – это что-то жизненно важное, разбилась о полное равнодушие. Ей хотелось видеть горящие глаза,

которые смотрели на нее, а не на экраны спрятанных под партой смартфонов. Она пыталась говорить о вечных темах: о совести у Достоевского, о любви у Куприна, о жертвенности у Толстого – и понимала, что это никому не нужно. Ни ученикам, видевшим в уроках литературы пустую формальность, ни родителям, интересовавшимся лишь баллами за ЕГЭ, а не тем, что их ребенок не в состоянии выразить свою мысль и не знает, как пишется слово «счастье».

И все-таки они ее вспоминают. Лучезарная, надо же!

– Спасибо, – после короткой паузы сказала Ася, – мне очень приятно это слышать, но у меня сейчас совершенно другие обстоятельства. Дочка родилась, ей нужно много внимания. Даже полставки в школе... я, к сожалению, не могу себе позволить. Это невозможно.

На другом конце провода наступила короткая пауза. Но Мария Ивановна не собиралась сдаваться так легко.

– Понимаю, понимаю, семейные обстоятельства – это главное. У меня есть еще один вариант, гораздо менее затратный по времени. Не для школы, а для одного ребенка. Индивидуально. Это очень хороший мальчик, двенадцать лет. Умный, начитанный, с прекрасной речью. Но у него определенные особенности. Гаптофобия. Вы знаете, что это?

– Боязнь прикосновений?

– Именно. Из-за этого он не может посещать обычную школу. Приступы паники, стресс. С ним занимаются педагоги на дому. А русский как раз Лидочка вела. Я подумала, может, вы рискнете? Всего несколько часов в неделю. Он живет в вашем районе. Бабушка его к Лидочке домой возила. Она пенсионерка, очень активная, сама машину водит, и для нее возиться с внуком в радость.

Образ сразу выстроился в голове: тихий, умный мальчик, который боится чужих рук. История, полная боли и тайны. Похоже на сюжет из книги. Это уже интереснее, чем целый класс сорванцов.

– Я... мне нужно подумать, Мария Ивановна, – сказала Ася. – Посоветоваться с мужем, решить кое-какие организационные вопросы.

– Конечно, конечно, Анастасия! Не спешите. Подумайте. Я вам очень-очень благодарна уже за то, что вы не отказались сразу. Перезвоню через пару дней?

– Да, конечно. Или я сама вам позвоню.

Ася медленно положила телефон на стол. В комнате наступила гулкая, обволакивающая тишина. Но теперь она была иной. В ней словно звучало эхо из прошлого: голос Марии Ивановны, воспоминания об учениках, образ незнакомого мальчика с гаптофобией.

Ася перевела взгляд на экран ноутбука. Похоже, работа над романом о буднях «Кайроса» снова откладывается на неопределенный срок. Но на этот раз мысль об этом не вызывала привычного чувства вины. Напротив, звонок Марии Ивановны стал тем самым мостом, что был перекинут из мрачного, вымышленного мира, в котором она пыталась укрыться от собственных страхов, обратно – в мир реальный.

Туда, где она была не просто матерью и женой, отчаянно пытающейся доказать свою состоятельность, и не просто писательницей, блуждающей по темным закоулкам чужих преступлений. Туда, где она снова могла быть тем, кем мечтала стать когда-то. Учителем. И впервые за долгое время это ощущение не пугало. Оно было интригующим.

Глава 4

Вечером, после ужина, когда Алиса наконец уснула, Ася поделилась с Иваном предложением Марии Ивановны. Они сидели на кухне, и Ася, сжимая в руках чашку с уже остывшим чаем, говорила немного сбивчиво, ожидая критики со стороны мужа. Она сделала акцент на том, что это всего несколько часов в неделю, а мальчик не может ходить в школу из-за своих особенностей.

Иван слушал внимательно, его брови слегка хмурились, что человек, не знакомый с ним, принял бы за несогласие. Но Ася слишком хорошо знала мужа и понимала, что информация вызывает у него живой интерес.

– Гаптофобия? – переспросил он. – А что это конкретно значит? Какие симптомы?

Ася, немного оживившись, объяснила:

– Это боязнь прикосновений. Даже случайных. Непереносимость физического контакта. У него может быть паника, учащенное сердцебиение, потливость, если кто-то нарушает его личное пространство. Поэтому он и не в школе – там постоянно кто-то может задеть, толкнуть...

Иван кивнул, переваривая информацию. Его следующий вопрос был абсолютно предсказуем и вытекал из всей его натуры и профессии. Он задал его спокойно, по-деловому, но за этим скрывалась тревога за своих девчонок.

– А это... расстройство... – Он сделал небольшую паузу, подбирая слова. – Он не агрессивен? Это не опасно для тебя? Для Алисы, если он тут будет с тобой заниматься?

Ася почувствовала, как внутри что-то кольнуло. С одной стороны, его вопросы были логичны. С другой – они ставили барьер между ней и этим мальчиком, сразу помечая его как «потенциально опасного», как проблему, которую нужно сначала проверить на безопасность.

– Нет, Иван, – сказала она твердо, глядя ему в глаза, и меж бровей у нее появилась упрямая морщинка. – Это не инфекция. Это тревожное расстройство. Он не опасен. Он *сам* боится. Он жертва своей фобии, а не ее источник.

Ася всегда называла его Ваней, Ванечкой. «Иван» – это тяжелая артиллерия. А в сочетании с морщинкой, которая говорила: «Решение уже принято, и тебе просто необходимо его поддержать, в противном случае...»

– Ладно, – поспешил сдаться Иван. – Мне кажется, это в целом хорошая идея. Тебе нужно что-то, кроме дома и писанины. Несколько часов в неделю, интеллектуальная нагрузка... Вот только кто останется с Алисой, пока вы будете заниматься? Мне нужно подстроиться под ваше расписание, чтобы быть в это время дома?

– Нет, конечно! Найдем няню. Ты же сам говорил...

– Няню? – обрадовался Иван. – Давно пора!

По лицу его было видно, что появление в доме няни полностью примиряет его с решением супруги заняться репетиторством.

Ободренная поддержкой мужа, Ася набрала номер Марии Ивановны прямо в кухне, при нем. Разговор был коротким и деловым. Ася сообщила, что готова попробовать, и договорилась о первом занятии. Положив трубку, она чувствовала легкое головокружение, как будто сделала шаг в неизвестность.

«Какая у меня замечательная жена», – подумал Рыбак. Но тут интуиция – та самая, которую Иван звал чуйкой, чувствительно кольнула его: «Ну-ну! Смотри, как бы не пришлось потом пожалеть».

Глава 5

На следующий день Ася гуляла с Алисой в ближайшем сквере. Летний ветерок играл с подолом ее платья, а коляска плавно катилась по залитой солнцем аллее. Вдыхая аромат нагретой травы, Ася впервые за долгое время позволила себе отвлечься от привычных страхов и сомнений и подумать о будущих уроках.

Внезапно ее спину будто пронзило ледяным лучом – то самое животное чувство пристального, недоброго взгляда. Она резко обернулась, едва не задев коляской скамейку. Вокруг были лишь обычные прохожие: молодая мама с ребенком, пожилой мужчина с газетой, пара смеющихся подростков.

Спустя несколько минут навязчивое ощущение вернулось. Ася снова обернулась. Ничего. Лишь тени от ветвей, пляшущие на раскаленном асфальте, напоминали чьи-то движущиеся силуэты.

Решив отвлечься, Ася начала обзванивать нянь. Первые два номера молчали. Третий звонок оказался удачным – приятный голос с безупречно грамотной речью вызвал у Аси мгновенное доверие. Девушку звали Виктория, и они договорились встретиться завтра здесь же, в сквере.

Положив трубку, Ася поняла, что больше никому звонить не хочет. Свой выбор она уже сделала. Оставалось лишь надеяться, что Виктория окажется такой же, как ее голос.

Вечером Ася, стараясь говорить максимально спокойно, поделилась с Иваном своими опасениями о слежке в парке. Он поморщился, медленно отложил телефон.

– Ась, может, тебе попить успокоительного? Валерьянки, там... – он пожал плечами, – ты измотана. Нервы. Это естественно.

Его слова прозвучали как холодный приговор. Он не верил ей. Считал ее страх болезненной фантазией, истерикой. Внутри у Аси все сжалось в комок обиды и горького недоумения. *«Неужели он думает, что я схожу с ума? Выдумываю?»*

Но спорить она не стала. Лишь молча кивнула и вышла из комнаты, оставив его одного. Произносить что-то вслух было не только бесполезно, но и невыносимо больно.

Виктории, судя по объявлению, было тридцать, но выглядела она моложе: мягкие локоны, легкий макияж, стильная, неброская одежда придавали ей налет юной несерьезности.

– Какие мы важные, – сказала она, заглянув в коляску.

И тут Алиса, которая действительно редко улыбалась незнакомцам, внезапно засияла и радостно замахала ручками.

Вечером Ася с воодушевлением рассказывала о Виктории Ивану.

– Она идеальна! Алиса приняла ее сразу, да и рекомендации у нее прекрасные...

– Хорошо, – Иван достал телефон. – Дай ее данные, попрошу Лебедева пробить по базам. Мало ли что.

Это была его привычная, профессиональная реакция – проверить, проконтролировать, обезопасить. Но сейчас это прозвучало как тотальное недоверие. Не только к миру, но и к ее выбору, к ее интуиции.

– Нет, – твердо сказала Ася. – Не надо ничего проверять. Нам с Алисой она понравилась. Я доверяю ей. Это мое решение.

Она ждала возражений, но Иван лишь удивленно поднял брови и опустил телефон. В его молчании читались недоумение и легкая обида.

Настал день первого занятия. Алиса с Викторией отправились на прогулку, и Ася осталась дома одна в непривычной тишине. Волновалась так, словно сама шла на экзамен, от которого зависела вся ее дальнейшая жизнь.

Мыслями она возвращалась к прочитанному о гаптофобии. Чем глубже Ася погружалась в тему, тем сильнее охватывала ее тревога. Она понимала, что столкнулась не с педагогической, а с глубокой психологической проблемой. *«Что я могу ему дать? Я не психолог. А вдруг вместо помощи только наврежу?»*

Мысль отказаться была соблазнительной, но тут же подавала голос ее совесть. Кто она такая, чтобы отворачиваться от чужой боли? Нет, Ася была не в силах отказаться. Возможно, не столько мальчику, сколько самой себе – в шансе почувствовать себя нужной.

Ученика привела бабушка, Галина Степановна. Строгий серый костюм, идеально уложенные седые волосы, стильные серебряные украшения – она больше напоминала успешную бизнес-леди, чем бабушку, сопровождающую внука на занятия. Даже ее трость с серебряной ручкой казалась модным аксессуаром, а не необходимостью.

Артем был высоким для своих лет, худощавым подростком. Его большие серые глаза выражали настороженность и готовность к отступлению. Он не подошел ближе, чем на метр, кивнул в ответ на приветствие и сразу направился в гостиную, где был подготовлен стол для занятий.

Бабушка уверенно расположилась на диване, давая понять, что останется на уроке. Ася заметила, как Артем напрягся: его взгляд стал расфокусированным, пальцы начали нервно постукивать по столу. Он явно уходил в себя.

Собрав всю свою деликатность, Ася мягко, но твердо обратилась к Галине Степановне:

– Знаете, мне кажется, для продуктивной работы нам с Артемом лучше остаться одним. Так мы быстрее найдем контакт.

Бабушка колебалась, но в этот момент Артем посмотрел на Асю – впервые осознанно, и в его взгляде мелькнул проблеск надежды. Это придало уверенности. Когда дверь в гостиную закрылась, напряжение в комнате заметно спало.

Первый урок напоминал осторожное зондирование почвы. Ася не открывала учебники. Они говорили о книгах. Оказалось, Артем любил фэнтези и научную фантастику – те миры, где можно было создать безопасные правила существования. Постепенно его речь, сначала тихая и отрывистая, становилась живее и увереннее.

Ася не делала резких движений, не приближалась к нему, всегда спрашивала разрешения, чтобы положить на стол распечатку с заданием. Это напоминало странный танец на расстоянии.

Когда занятие закончилось и Артем с бабушкой ушли, Ася почувствовала невероятную усталость. Но к ней примешивалось немного гордости. Ей удалось провести целый час с мальчиком и не спугнуть его. Она сделала первый, крошечный шаг к его миру. И на время занятий собственные страхи отступили, уступив место простому человеческому желанию – помочь.

Прошло три недели. За это время Ася и Артем выработали свой хрупкий, но стабильный ритуал. Они встречались в гостиной, за столом, который стал нейтральной территорией. Между ними всегда сохранялось расстояние в метр-полтора, «буферная зона», нарушать которую было нельзя. Ася двигалась плавно и предсказуемо, всегда предупреждала словами о своих действиях: «Я сейчас достану книгу», «Я положу твою тетрадь сюда».

Артем начал расслабляться. Он уже не сжимался в комок при ее появлении, мог улыбнуться удачной шутке про причастия и деепричастия, даже спорил о сюжетах книг. Ася ловила себя на мысли, что ждет уроков. В этом странном, тихом общении была своя глубокая терапия и для нее.

Но в один из дней все рухнуло и собралось заново в невероятной форме.

Ася, сидя за столом, проверяла упражнение, которое Артем делал дома. Он стоял рядом, но на безопасном расстоянии. Когда Ася закончила, он сделал шаг назад, чтобы вернуться

на свое место за столом, напротив нее, и задел плечом край полки с книгами. Здоровенный фолиант, старый сборник сочинений, с грохотом полетел вниз.

Сработал рефлекс. Ася инстинктивно рванулась вперед – и ее пальцы коснулись руки мальчика. Эффект был мгновенным и ужасающим. Он вскрикнул – тихо и пронзительно. Его глаза расширились от ужаса. Отпрянув, он упал на ковер, свернувшись калачиком. Тело билось в беззвучных судорогах, руки судорожно рвали футболку, словно пытаясь стереть след прикосновения.

Ася застыла, парализованная виной. В ушах стоял звон. Мысли путались: «Я все испортила! Я навредила ему! Что делать?!» Стандартные инструкции из интернета – «не приближаться, дать успокоиться» – казались сейчас предательством. Он умирал там, на полу.

И тогда сработало материнское нутро. Ася схватила Алисино розовое одеяльце и набросила его на Артема, создав защитный кокон. Преодолевая страх, она обхватила мальчика через ткань.

– Тихо, все хорошо. – Ее голос звучал хрипло, как колыбельная во время урагана. – Я здесь. Тебя никто не тронет. Даже я. Ты в безопасности.

Он вырывался, но одеяло поглощало удары. Ася не отпускала, продолжая говорить тихие слова. И вдруг его рывки ослабели. Дыхание стало глубже.

В тишине слышался его голос, глухой и разбитый:

– Тепло... Тут... тепло.

Они сидели на полу среди разбросанных книг: она, все еще обнимая его через розовое одеяльце, и он, затихший, прислушивающийся к новому ощущению. Стена дала трещину. И сквозь нее пробился свет.

Занятия с Артемом стали для Аси тихой гаванью. В те часы, когда она погружалась в мир правил и исключений, объясняя мальчику сложные темы, ее собственная тревога за Алису постепенно отступала, растворяясь в ритме спокойных голосов и шелесте страниц. Ася уже не ловила себя на мысли, что она плохая мать. Эти мучительные сомнения остались где-то позади, вытесненные ясным осознанием: Алиса растет.

Дважды Артема привозил отец, Илья Громов, – высокий, с мощной фигурой и серыми, круглыми, точь-в-точь как у сына, глазами. Он держался отстраненно, его взгляд скользил по Асе холодно и оценивающе. Было очевидно, что она ему не нравится, как и вся эта затея с уроками. Но ради Артема он был готов терпеть даже то, что считал глупостью. Громов молча передавал сына, коротко кивал и уходил, оставляя за собой тяжелую, неловкую тишину.

Настал сентябрь. Ася уже различала в лепете Алисы первые осмысленные слова и с замиранием сердца наблюдала, как та пытается подняться, цепляясь за прутья кровати. Казалось, тяжелые тучи материнских тревог окончательно рассеялись, уступив место тихой радости ежедневных открытий. Но в один миг все рухнуло.

В тот день все было как всегда. Обычный урок подходил к концу. Солнечные зайчики играли на столе, где лежали карточки с разобранными по составу словами. Артем радовался, правильно подобрав проверочное слово к сложному правилу. Казалось, сама осенняя погода за окном дышала спокойствием.

Чувствовалось, что Артему совершенно не хочется уходить. Асе тоже этого не хотелось, но мысль о Галине Степановне, которая уже почти час ждет внука в припаркованной у подъезда машине, заставила ее решительно встать со стула.

– До четверга? – Она улыбнулась ученику.

Тот сосредоточенно кивнул, протопал в прихожую, снял тапочки, сунул их в рюкзак, натянул кроссовки и долго возился со шнурками. После чего медленно, словно против воли, нажал на дверную ручку.

Ася немного постояла на пороге, вслушиваясь в удаляющиеся шаги, затем закрыла дверь и направилась в спальню к Алисе и Виктории. Увидев мать, Алиса радостно заголосила и потянулась к ней всем своим маленьким телом.

Ася подхватила дочку, – тяжеленькая! – уткнулась носом в золотистые завитки на шее, вдохнув восхитительный аромат детской кожи – смесь молочной каши и еще чего-то неуловимого, но очень вкусного, типа малинового варенья, и прошептала:

– Я скучала по тебе.

– А мы скучали по кофе! – заявила Виктория. – Как насчет кофе, Анастасия Павловна?

– Легко.

Ася с ребенком на руках отправилась на кухню, щелкнула кнопкой кофемашины. Та весело забурчала. На душе было легко и радостно.

И кофе сегодня был каким-то необычайно вкусным, хотя это все та же пачка. С чего бы это? В голове мелькнула была какая-то мысль, но ее спугнул звонок в дверь.

Радостного состояния как не бывало. Кто бы это мог быть? Коллеги, они же единственные Асины друзья, обычно предупреждают звонком. Ваня еще на работе.

Позабыв о наставлениях мужа, Ася распахнула дверь и застыла от недоброго предчувствия: на пороге стояла бабушка Артема, Галина Степановна.

– Асенька, – с укоризной в голосе заявила она, – ну что вы так долго? Еще и телефон выключен! Я уже устала ждать. Да и Артему такие долгие занятия не по силам.

– Я... Артем... – Мысли зашатались в голове.

Отстранив Асю властным жестом, Галина Степановна прошла в комнату.

– Артем?

– Да ушел он, Артем ваш! – пришла на помощь Асе Виктория. – Минут десять назад. Разминулись вы с ним, бабушка!

– Уще-е-е... – Она не договорила. Рот, собравшийся в трубочку на звуке «о», открылся, лицо побледнело, и женщина стала медленно оседать на пол.

– Помогите! – закричала Ася, руки которой были заняты Алисой.

Виктория подросла вовремя, не дав голове Галины Степановны с размаху удариться об пол.

Ася схватила телефон. Выключен. Конечно, она всегда его выключает на время занятий с Артемом, хотя Ваня говорит, что достаточно перевести в авиарежим. Телефон загружался долго, бесконечно долго. «Ну же! Давай!» – подгоняла его Ася.

– «Скорая»! – закричала она так громко, что Алиса испугалась и зашлась громким плачем. – Приезжайте, пожалуйста! Женщина потеряла сознание.

Было очень плохо слышно, но слова «машина к вам вышла» разобрать удалось.

Следующий звонок – мужу.

– Ваня! – Алиса продолжала орать, и Ася, сунув ее на руки Виктории, выскочила на лестницу. – Артем пропал! Приезжай скорее! Галина Степановна лежит на полу! Без сознания! Мы вызвали «Скорую»!

Иван лишних вопросов задавать не стал.

– Еду, – коротко бросил он.

– А мне что делать? – спросила Ася, но муж ее уже не слышал.

Она задумалась. Галина Степановна ждала внука у подъезда. Ася точно видела, как он пошел вниз по лестнице. Вряд ли бабушка пропустила момент, когда внук вышел на улицу. Куда же он мог деться? А что, если по какой-то причине Артем решил вернуться? Задумался, прошел мимо нужной квартиры, позвонил в чужую дверь...

Ася выскочила в подъезд и понеслась вверх по лестнице. Ни на четвертом, ни на пятом, ни на всех последующих этажах мальчика не было.

«А что, если, пока я разговаривала с бабушкой, он все-таки спустился и вышел на улицу?» – подумала Ася и устремила вниз. Она выбежала из подъезда и закричала что было сил:

– Артем!

Улица безмолвствовала. Лишь стоявший у подъезда серебристый автомобиль Галины Степановны грустно взирал на перепуганную учительницу.

– Кого потеряла? – высунувшись в окно первого этажа, спросила дворничиха тетя Оля.

– Ученика своего, Артема! Вы, случайно, не видели его?

– Внук женщины из этой машины? – уточнила баба Оля.

– Да, он! Видели?

– Нет. – Та покачала головой. – Найдется, куда он денется. Вот придет внук Матвея Сергеевича из школы, и посмотрим по камере, что да как. А ты бы не бегала по улице раздетой! Не ровен час, заболеешь, а у тебя дитя малое. Заразится – беда будет. Хоть пойдешь оденься, что ли.

Против аргумента насчет здоровья дочери возражений у Аси не нашлось. Она уже было поднесла ключ к домофону, и тут взгляд ее упал на камеру видеонаблюдения, молчаливо взирающую на желающих проникнуть в подъезд.

Выглядела она, прямо сказать, неважнецки: потертый белый пластик с желтыми потеками, ржавый кронштейн, местами отстающий от стены короб и глаз, замазанный чем-то белым. Все вместе сводило на нет надежду узнать с помощью этого гаджета судьбу пропавшего ученика.

– Ольга Ивановна! – Бабой Олей дворничиху Ася называла про себя, вслух исключительно по имени-отчеству. – А что с камерой?

– А что? – Дворничиха опасно высунулась в окно практически по пояс и воззрилась на гаджет. – Что с ней такое? Вроде утром была на месте.

Ася не слышала. Если минуту назад она еще верила, что Артем сейчас появится и все будет хорошо, то слепая камера породила в ее голове целый рой предчувствий, одно хуже другого. Не в силах противостоять им в одиночку, Ася снова набрала номер мужа.

– Еду я, еду! – сообщил тот. – Уже на Ленина. И Лебедев со мной. Сейчас найдем твоего Артема, не волнуйся.

Иван, когда хотел, умел говорить убедительно. Сейчас он хотел. Очень хотел, и Ася почти успокоилась.

Но тут за спиной ее, завывая сиреной, подкатила «Скорая».

– Девушка, – приоткрыв окно, спросил водитель, – в этом подъезде восемнадцатая квартира?

– Восемнадцатая? – растерянно переспросила Ася, возвращаясь в реальность. – Здесь! Я из восемнадцатой! Пойдемте скорее!

«Я плохая мать, – думала Ася, шагая по лестнице через ступеньку. – Бросила Викторию одну с Алисой и Галиной Степановной, не передала Артема из рук в руки бабушке. Я – плохая мать!»

Глава 6

Иван взлетел по лестнице так стремительно, что Федор, едва поспевавший за ним, запыхался. Дверь в их квартиру была приоткрыта. Еще со времен оперативной работы Иван испытывал ледяную неприязнь к таким вот приоткрытым дверям. Он уже собрался войти, но изнутри донесся резкий, чужой голос, прозвучавший как выстрел:

– Вызываю полицию! И до их приезда вы никуда отсюда не уйдете. Понятно? Вы и ваша няня.

«Полиция – это нормально, – промелькнуло в голове у Ивана с какой-то кривой, вымученной иронией. – Но до их приезда нужно было успеть сделать кое-что важное».

– Федор, за мной! – бросил он через плечо, уже поднимаясь выше.

Он взлетел на два этажа и забарабанил в дверь Матвея Сергеевича. Когда-то сын старика, Леха, купил себе первую машину – древнюю, бюджетную тачку, над которой трясся так, что установил камеру наблюдения прямо напротив подъезда. Сам Леха давно укатил на заработки, но камера исправно фиксировала все происходящее, а доступ к записям перешел к его сыну, Костику.

– Тише! – раздался из-за двери старческий возмущенный голос. – Дверь сломаете, ироды!

Иван был готов на большее: вынести эту дверь с петлями, разнести всю квартиру – что угодно, лишь бы успеть защитить Асю. Ему нужно было увидеть запись. Сейчас.

– Добрый день, Матвей Сергеевич! Срочно нужно посмотреть вашу камеру. – Иван, не дожидаясь приглашения, отодвинул старика и шагнул в тесную, пахнущую ладаном и капустой прихожую.

– Так Костика нет... – начал было дед.

– У меня свой Костик! – рявкнул Иван. – Федор, давай!

Лебедев, не теряя ни секунды, юркнул в комнату.

– Куда в обуви, лиходеи! – простонал Матвей Сергеевич.

– Я за него сниму! – Иван на ходу сбросил туфли, но в комнату не пошел, оставшись на страже в прихожей и всем существом прислушиваясь к звукам снизу. – Федор, поторопись!

Почти тут же из комнаты выскочил Лебедев, сияя как новогодняя елка и прижимая к груди ноутбук.

– Готово, Иван Станиславович! Слил все за последние три часа.

– Если что, нас тут не было, – на всякий случай бросил Иван, уже отступая к выходу.

– Как же не было? – возмутился Матвей Сергеевич, с укором разглядывая свежие следы лебедевских кроссовок на полу. – А натоптал кто?

Иван на секунду замялся, оценивая упрямый взгляд старика. Давить было бесполезно – только время терять.

– Ладно, значит, были, – с легкой усмешкой капитулировал он.

В этот момент в открытое окно ворвался нарастающий, воющий звук полицейской сирены. Она была совсем близко. Очень близко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.